

и приготовить наши души къ воспринятію Божьяго прощенія. И Богъ приметъ насъ, и будетъ въ общеніи съ нами, потому что мы уже не будемъ ставить между Имъ и нами непреодолимой преграды,—преграды Его всеобъемлющей любви и милосердію.

Но если мы сами, умоляя о пощадѣ, не будемъ милосердны къ виновнымъ противъ насъ, если, моля о прощеніи, мы задумываемъ мщеніе, если, прося, чтобы съ нами поступлено было несравненно лучше, чѣмъ мы заслуживаемъ того, въ то же время мы будемъ считать согрѣшившихъ противъ насъ достойными наказанія,—то ясно, что тѣмъ самымъ мы заявляемъ о своей неискренности, мы какъ бы издѣваемся надъ правдою Бога и жестоко-сердечіемъ своимъ ставимъ непреодолимую преграду Его любви и милосердію. Онъ по существу своему Всепрощающій Отецъ, но Онъ всепрощеніе свое не можетъ распространить на насъ—непрощающихъ; духъ нашъ сопротивляется Его духу. Мы отказываемся отъ поклоненія Ему „въ духѣ и истинѣ“, мы остаемся само-изгнанными изъ Его присутствія—непрощающими и непрощенными.

Только въ духѣ человѣческаго всепрощенія возможно сліяніе съ Богомъ.

Таково ученіе Христа.

Какое благословенное ученіе для всѣхъ кроткихъ, милосердныхъ людей! И то же, какъ ужасно оно для всѣхъ жестокосердныхъ, безжалостныхъ, находящихъ наслажденіе въ строгихъ человѣческихъ карахъ! Мы и молиться не можемъ въ карающемъ другихъ людей духѣ, не нанося тѣмъ оскорбленія Всепрощающему Отцу, не накликаая на себя наказаній за собственныя дѣянія. Какая это страшная, грозная мысль! И эту мысль Іисусъ, какъ горящій уголь, принесъ съ алтаря Бога и вложилъ въ совѣсть cadaго изъ учениковъ своихъ. И несмотря на то, миллионы людей, считающихъ себя исповѣдующими Христову вѣру, дозво-